

УДК 902/904

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.21-26

КОНСЕРВАТИВНОСТЬ ЧЕРТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЗАПАДНЫХ БАЛТОВ

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, г. Москва, 117292, Россия

Аннотация

Статья вводит в научный оборот ранее неизвестный русскому читателю фрагмент текста середины XVI в., в котором содержатся свидетельства очевидца об уникальных для эпохи Реформации чертах обрядности западных балтов. Проводится параллель между этими чертами и данными купца Вульфстана о погребальных скачках пруссов IX в. Если в раннем Средневековье всадник, победивший в похоронных скачках, получал значительную часть имущества погребяемого соплеменника, то в эпоху Реформации призер в прусских погребальных заездах символически обогащался лишь на разменную монету в 1 шиллинг. Предполагается, что на протяжении семи веков у жителей юго-восточной Балтии сохранялся обычай скачек на погребальной церемонии, хотя сакральный смысл ее на пороге Нового времени мог быть утрачен. Тем не менее косвенно это подтверждает гипотезу В.Н. Топорова о глубинном значении данного явления.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, западные балты, скачки, погребальная церемония

Общеизвестной чертой национального характера балтов является верность моральным принципам и нравственным нормам, проявлявшаяся у народов Балтии в самых разных обстоятельствах на протяжении веков. В частности, этот здоровый консерватизм, приверженность к постоянству, нежелание вносить изменения в сложившиеся традиции ярко отразились в погребальном обряде жителей юго-восточной Балтии. Ранее уже отмечалось стремление пруссов сохранить при проведении погребальных церемоний связь времен, наличие длительной памяти о своих предшественниках, отразившиеся в культовом пиетете [1, с. 172]. Известный польский исследователь погребальной обрядности западных балтов Ян Ясканис справедливо считал, что с V в. н. э. вплоть до распространения в исторической Пруссии христианских норм погребения западные балты придерживались единого стандарта обращения с телом умершего соплеменника – кремации останков [2, с. 214] (преимущественно – в стороне от могилы).

Темой настоящей статьи является еще один аспект погребальных церемоний пруссов – конные состязания при проведении похорон. Первое упоминание о них восходит к IX в., присутствует в заметках англо-саксонского купца Вульфстана о его путешествии на западную окраину земли пруссов (автор заметок называет

их «эсты», у античных историков – aestii) и включено в текст «Истории против язычников» Орозия:

«И есть у эстов обычай, что, когда человек умирает, он лежит в [своем] доме, несожженный, со своими родственниками и друзьями, месяц, а иногда и два. А король и другие люди высшего сословия – еще дольше, в зависимости от того, насколько они богаты; иногда они остаются несожженными в течение полугода. И они лежат на земле в своих домах. И все то время, пока тело находится в доме, они должны пить и участвовать в состязаниях, до того дня, когда его сожгут.

Затем в тот день, когда они понесут его на костер, они делят его имущество, которое осталось после возлияний и состязаний, на пять или шесть, а иногда и больше [частей], в зависимости от количества его имущества.

Затем они кладут самую большую часть его на расстоянии одной мили от города, затем другую, затем третью, пока оно все не будет разложено в пределах одной мили; а последняя часть должна лежать ближе всего к городу, где находится покойник. <...>

Затем все они устремляются к имуществу; тогда человеку, владеющему самым быстрым конем, достается самая первая и самая большая часть; и так одному за другим, пока не возьмут это все; и меньшую часть берет тот, кому достается имущество, [лежащее] ближе всего к городу [к дому. – В.Т.]. И тогда каждый едет своей дорогой с имуществом и может всем им владеть; и поэтому самые быстрые кони там невероятно дороги.

И когда его имущество таким образом разделено, его выносят и сжигают с его оружием и одеждой. И чаще всего его состояние они растрачивают за то долгое время, пока покойник лежит в доме, и тем [через то, вследствие того. – В.Т.], что они кладут на дороге, за чем устремляются чужаки и забирают» (цит. по [3, с. 15]).

Известный русский языковед Владимир Николаевич Топоров несколько своих публикаций посвятил сообщению Вульфстана [3; 4; 5, с. 241]. Главный вывод В.Н. Топорова относительно данных о скачках на похоронах состоял в том, что такие состязания являются соответствием «макрокосмическому» поединку Демиурга со своими противниками [3, с. 20]. К сожалению, последняя по времени издания статья, посвященная сообщению Вульфстана, не привнесла в решение этого вопроса ничего нового [6].

Лейтмотивом настоящей статьи является не очередная заявка на интерпретацию слов Вульфстана о состязаниях пруссов при похоронной церемонии в начальной фазе эпохи викингов, а попытка показать длительный отрезок времени, на протяжении которого существовал и трансформировался этот обычай. Для этого следует обратиться к исторической этнографии пруссов. Одним из важнейших источников является представленная в рукописных и печатных вариантах «Судавская книжица», посвященная различным сторонам духовной жизни части западных балтов эпохи Реформации. В частности, интерес вызывает представленный в этом источнике обширный экскурс, посвященный погребальным обычаям, под титулом «Судаиты, называемые Судавами, Церемонии жертвоприношения козла (Судавская книжица)»¹, текст, написанный Иеронимом Малетиусом в середине XVI в. Канцлер Ганс фон Крейтцер во время своего посещения округа

¹ Нем. "Der Sudaiter, die itzund Sudawen genannt werden, Ceremonien vnd bockheyiligen (Sudauerbuchlein)".

Лык (местожительства И. Малетиуса) сделал копию этого труда и поместил данную рукопись в библиотеку Кёнигсберга в 1552 г. [7, S. 240].

«О мертвых... Если некто заболел, собирают жители деревни и его друзья некое количество пива, которое ему подносят, когда он умрет. Тело моют в теплой купальне (?) или лохани (?), отмывают его начисто и одевают его в белые одежды и в конце концов сажают на стул. При этом наливают ему пива в некий сосуд, именуемый чашей². (Один (из участников³) поит мертвого и говорит (при этом по-прусски) “Я пою тебя, наш друг; почему ты умер? Ты имел свою любимую женщину, свой скот, своих коров, всё было (у тебя)”. В итоге пьют на добрую ночь и просят его, чтобы в Ином мире он прилежно приветствовал их братьев-друзей и с ними пребывал, затем они одевают его в его одежды, вешают ему на бок нож, длинный платок (обёртывают) вокруг шеи, кладут ему в кошель деньги.

Когда умирает женщина, на нее надевают венец, или нечто подобное, что они для нее нашли. После этого тело кладут на повозку, друзья едут (верхами) вокруг нее с поднятыми ножами, которыми тыкают в воздух и кричат: “Bereyt, bereyt Recolle” (“Убегай, убегай [её] черт”). Так сопровождают тело до границы деревни, где воздвигнут столб, на который возложен шиллинг⁴. Все, кто на лошадях, скачут к столбу, первый (приехавший к нему) берет шиллинг. Взяв шиллинг, все скачут к умершей с поднятыми ножами и дубинами и, что повелел один из участников (жрец?), тыкают ими в воздух и кричат. Когда они опять подходят к granitz (так в тексте. – В.К.), три раза объезжают вокруг повозки, молятся и ноют (заунывно поют?). И воз, и лошадь приносят умершую к могиле. Когда они сюда приходят, тело женщины кладут на плоские носилки (?) и..., и как им положено, сжигают ее, как и мужчин. И как им велено (?), сжигают они и тело, как в наши (?) дни находятся их могилы на холмах, погруженные в глину, которые могилы они именуют Sarepen, они пепел и кости помещают в сосуды, которыми они сопровождают мертвых»⁵ (цит. по [7, S. 257–258]).

Первой реминисценцией старых обычаев в погребальной церемонии XVI в. является обертывание вокруг шеи умершего платка. Так и в раннеорденское время шеи покойных (как правило – женщин) пруссы обвивали гривнами, свитыми из нескольких бронзовых дротов. Очевидно, этот обычай отражал идею защиты умершего от воздействия недружественных потусторонних сил [8, S. 497]. Так и в XVI в. пруссы, помня, что шею умершего надо закрыть (быть может, уже не понимая, для чего), обертывали ее платком. Крайне важно упоминание в случае с погребением мужчины снаряжения его в могиле погребальным инвентарем (одежда с ее аксессуарами, нож, платок). Этот момент акцентирует явно нехристианский смысл данной погребальной церемонии. Упомянутые составляющие погребального инвентаря использовались эстиями и пруссами при захоронении своих соплеменников на протяжении всего I тысячелетия н. э.

Упоминание в тексте XVI в. погребальных скачек несомненно указывает на аутентичность информации, представленной в данном источнике. Ведь его автор,

² Прусск. Kauszele (?).

³ В тексте – Itzlicher.

⁴ Серебряная прусская монета, составляющая 1/60 марки.

⁵ Перевод наш. – В.К.

явно очевидец погребальных действий, не будучи знаком с текстом Вульфстана, не мог оттуда почерпнуть информацию об упомянутом уникальном обычае и, следственно, описал реальные события, происходившие в одном из пунктов юго-восточной Балтии на пороге Нового времени. На первый взгляд выглядит странным тезис об урновых трупосожжениях, применявшихся западными балтами после крушения Орденского государства, когда в Пруссии уже три века господствовало христианство. Однако в Киришпорском договоре между Орденом и пруссами биритуализм в погребальных обычаях местного населения упоминается [9, с. 105]. В новейших раскопках прусского участка могильника Кауп на севере полуострова Самбия встречены трупосожжения XII – XIII вв. [10, с. 163, 301], а прусские трупоположения этого времени на вскрытом участке могильника отсутствовали.

Представленное в титуле обсуждаемого текста упоминание одного из западнобалтских племен (Судава), тем не менее, как представляется, позволяет считать показанную здесь информацию актуальной и для представителей других племен юго-восточной Балтии. Дело в том, что в начале орденской эпохи оккупационная власть в исторической Пруссии целенаправленно занималась перемещениями различных этнических групп местного населения. Этот феномен нашел подтверждение в археологическом материале, выявившем погребение ятвяжских (судаवских) воинов на самбийских грунтовых могильниках в урочищах Кунтерштраух (Kunterstrauch) [11, с. 233] и Кауп [10, с. 176], датированных по нумизматическим находкам концом XIII в.

Если в IX в. всадник, победивший в похоронных скачках, получал значительную часть имущества погребяемого соплеменника, то в эпоху Реформации призер в прусских погребальных заездах (судя по сообщению «Судавской книжицы», проводились в случае погребения женщины) обогащался лишь на разменную монету в 1 шиллинг. Однако сам факт сохранения на протяжении семи веков конных состязаний в ходе погребальной церемонии свидетельствует о высоком таксономическом значении этого обычая в западнобалтской среде. Косвенно это подтверждает гипотезу В.Н. Топорова о глубинном значении данного явления.

Литература

1. Кулаков В.И. Культурный пietet пруссов // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. – 2002. – № 1. – С. 169–181.
2. Jaskanis J. Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I – V w. n. e.). – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1974. – 296 s.
3. Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах. О тризне у древних пруссов (сообщение Вульфстана) // Исследования в области балто-славянской культуры (Погребальный обряд). – М.: Наука, 1990. – С. 12–47.
4. Топоров В.Н. Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования. 1985. – М.: Наука, 1987. – С. 10–52.
5. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. – 814 с.

6. *Гусаков М.Г.* Об одном фрагменте сообщения Вульфстана «О похоронах древних пруссов» (Некоторые заметки по поводу статьи В.Н. Топорова) // Балто-славянские исследования. 1997. – М.: Индрик, 1998. – С. 271–279.
7. *Mannhardt W.* Letto-Preußische Götterlehre. – Riga: Lettisch-Literärischen Gesellschaft, 1936. – 673 S.
8. *Kulakov W.I., Valujev A.A.* Veluva (Alt-Wehlau), ein heidnischer Friedhof im christlichen Nadrauen // Eurasia Antiqua. – 1996. – Bd. 2. – S. 493–499.
9. *Паушто В.Т.* Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII – XIV вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 184 с.
10. *Кулаков В.И.* Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. – М.: Книжный мир, 2016. – 351 с.
11. *Кулаков В.И.* Кунтерштраух. Раскопки Й. Хейдека (1899 г.) // Индоевропейское наследие в языке и культуре. Избранные вопросы / Ред. А. Дудзяк, А. Злобин, М. Паюнена. – Ольштын: Ун-т Вармии и Мазур, 2018. – С. 231–240.

Поступила в редакцию
10.04.2020

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия
E-mail: drkulakov@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 3, pp. 21–26

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.21-26

Conservatism of Funeral Rites of the Western Balts

V.I. Kulakov

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117292 Russia
E-mail: drkulakov@mail.ru

Received April 10, 2020

Abstract

The phenomenon of conservative spiritual culture of the Balts was studied using the archaeological evidence and Prussian folklore. The autochthonous inhabitants of the Baltic States in the New and Recent History were distinguished by the constancy of their cultural views. In the paper, an attempt was made to find out the deep roots of this unique conservatism in the historical retrospect. In particular, this healthy commitment to constancy, the unwillingness to make changes to the established traditions, was clearly reflected in the funeral rite of the inhabitants of the south-eastern Baltic. Earlier, I have already noted the desire of the Prussians to preserve the connection of times during funeral ceremonies and the presence of a long memory of their predecessors, which is reflected in the cult reverence. The specific theme of this paper is a unique aspect of the Prussian funeral ceremonies – equestrian competitions during the funeral.

The paper introduces a fragment of the text dating back to the middle of the 16th century, which contains eyewitness accounts of the unique features of the rituals of the Western Balts in the Reformation era. A parallel was drawn between these features and the data of the merchant Wulfstan on the funerary jumps of the Prussians of the 9th century. In the early Middle Ages, the winner of funeral races received a significant part of the property of the buried tribesman, while the prize-winner in the Prussian funeral arrivals during the era of the Reformation was symbolically enriched only with a small change of one shilling. It was suggested that for seven centuries the inhabitants of the southeastern Baltic States maintained the custom of horse racing at the funeral ceremony, but its sacred meaning on the threshold of the New Age could be lost. Nevertheless, this indirectly confirms V.N. Toporov's hypothesis on the deep meaning of this phenomenon.

Keywords: southeastern Baltic, western Baltic, races, funeral ceremony

References

1. Kulakov V.I. Cultic piety of the Prussians. *Vestnik Rossiiskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda*, 2002, no. 1, pp. 169–181. (In Russian)
2. Jaskanis J. *Obrządek pogrzebowy zachodnich baltów u schyłku starożytności (I – V w. n. e.)*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Ossolineum, 1974. 296 s. (In Polish)
3. Toporov V.N. Equestrian competitions during funerals. About the trizna of the Old Prussians (Wulfstan's story). In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi kul'tury (Pogrebal'nyi obryad)* [Research on Balto-Slavic Culture (Funeral Rite)]. Moscow, Nauka, 1990, pp. 12–47. (In Russian)
4. Toporov V.N. Notes on funeral traditions. In: *Balto-slavyanskije issledovaniya. 1985* [Balto-Slavic Studies. 1985]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 10–52. (In Russian)
5. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies on Etymology and Semantics]. Vol. 1: Theory and some of its specific applications. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2004. 814 p. (In Russian)
6. Gusakov M.G. On one fragment of Wulfstan's story "About funerals of the Old Prussians" (some notes concerning V.N. Toporov's paper). In: *Balto-slavyanskije issledovaniya. 1997* [Balto-Slavic Studies. 1997]. Moscow, Indrik, 1998, pp. 271–279. (In Russian)
7. Mannhardt W. *Letto-Preußische Götterlehre*. Riga, Lettisch-Literärischen Gesellschaft, 1936. 673 S. (In German)
8. Kulakov W.I., Valujev A.A. Veluva (Alt-Wehlau), ein heidnischer Friedhof im christlichen Nadrauen. *Eurasia Antiqua*, 1996, Bd. 2, S. 493–499. (In German)
9. Pashuto V.T. *Pomezaniya. "Pomezanskaya pravda" kak istoricheskii istochnik izucheniya obshchestvennogo i politicheskogo stroya Pomezanii XIII – XIV vv.* [Pomesania. "Pomesanian Truth" as a Historical Source of Studying the Social and Political Structure of Pomesania in the 13th – 14th Centuries]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1955. 184 p. (In Russian)
10. Kulakov V.I. *Prussy epokhi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa* [The Prussians of the Viking Epoch. The Life and Daily Routine of the Kaup Community]. Moscow, Knizhnyi Mir, 2016. 351 p. (In Russian)
11. Kulakov V.I. Kunterschtrauch. J. Heydeck's excavations (1899). In: *Indoevropeskoe nasledie v yazyke i kul'ture. Izbrannye voprosy* [Indo-European Legacy in Language and Culture. Selected Problems]. Dudzyak A., Zlobin A., Payunena M. (Eds.). Olsztyn, Univ. Varmii Mazur., 2018, pp. 231–240. (In Russian)

Для цитирования: Кулаков В.И. Консервативность черт погребального обряда западных балтов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 21–26. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.21-26.

For citation: Kulakov V.I. Conservatism of funeral rites of the Western Balts. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 21–26. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.21-26. (In Russian)